

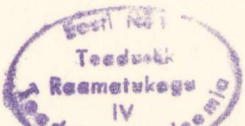
А. С. ЕГОРОВА (Тарту)

О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема членения предложения была и остается предметом лингвистических споров (см., например: Адмони 1955 : 67—73; Ахманова, Микаэлян 1963 : 144—154; Акулова 1971; Блумфилд 1968 : 13; Brøndal 1932; Gelhard 1952 : 2—13; Керт 1971 : 232—243; Майтинская 1960 : 156—157; Современный русский язык 1964 : 355—360; Смирницкий 1957 : 164—193; Члены предложения в языках различных типов, Мещаниновские чтения 1972; Шапино 1957 : 71—85). Для классификации второстепенных членов предложения выдвигались самые различные критерии (семантические, морфологические, лексико-семантические, синтаксические).

Однако решение данного вопроса в определенной степени зависит от конкретного строя каждого языка. Характер соотношения между признаками второстепенных членов предложения может быть различным в разных языках. Все же огромное значение для классификации второстепенных членов предложения должен иметь признак их зависимости от других членов предложения, потому что именно этот признак характеризует их подлинную синтаксическую сущность. Так как члены предложения — категория синтаксическая, их специфику следует искать прежде всего в особенностях сочетания слов при построении предложения.

В настоящее время при классификации членов предложения наметился единый принцип, согласно которому члены предложения выделяются на основании одних и тех же критериев, а именно: 1) степень и характер связи между членами предложения, 2) содержание отношений, которые возникают между словами в предложении (Смирницкий 1957 : 172). Содержание отношений между словами в предложении обуславливается взаимодействием их лексических значений со значениями используемых в предложении синтаксических средств. Это содержание может быть процессным, предметным, квалификативным, обстоятельственным. Основные типы синтаксической связи: предикативная, атрибутивная, комплетивная. Рассмотрим на примере, как одно и то же слово в разных синтаксических условиях выполняет различные синтаксические функции. *Кудосонок палсь валдо* 'в доме-нашем горел свет'. Слово *валдо* 'свет' выступает в предложении в функции подлежащего, выраженного существительным, связь — предикативная, отношение — процессное. *Валдо весь прядовсь* 'светлая ночь кончилась'. Слово *валдо* 'светлый' играет роль определения, выраженного прилагательным, связь — атрибутивная, отношение — квалификативное. *Весь валдо* 'ночь светлая'. Слово *валдо* 'светлый' — неглагольное сказуемое, выраженное прилагательным, связь — предикативная, отношение — квалификативное. *Эйкаштне вечкить валдо* 'дети любят свет'.

Слово *валдо* 'свет' — дополнение, выраженное существительным, связь — комплетивная, отношение — предметное.

В данном случае наблюдаются т. н. синтаксические омонимы, формально совпадающие при несовместимости их синтаксического содержания.

Только по характеру связи между членами предложения и содержанию отношений, возникающих между словами в предложении, можно выделить конкретно тот или иной член предложения. Так, в отношении определения отмечается прочность его связи с определяемым и обозначение им признаков предмета.

1. Категория определения в эрзянском языке в той или иной степени уже освещалась в ряде работ (Коляденков 1952 : 36—43, 1959: 128—140, 157—172; Названова 1964 : 35—54; Тюркина 1972 : 144—205; Jõgi 1970; Копт 1973 : 168, 170). Однако вышеуказанные авторы концентрируют основное внимание на атрибутивных сочетаниях, в частности на способах выражения определения в атрибутивных словосочетаниях. Правда, М. Н. Коляденков (1954 : 219—226) посвятил специальный параграф этой категории. Однако он характеризует определение в тезисном плане и даже не дает полного определения данному члену предложения.

Попытаемся на конкретном языковом материале выявить отличительные грамматические признаки определения и принципы его отграничения от других второстепенных членов.

В мордовских языках всякий член предложения, синтаксически связанный с существительным, рассматривается как определение. Отсюда определение никогда не является самостоятельной ячейкой для построения предложения, т. е. всегда представляет собой зависимый член предложения, синтаксически подчиненный существительному. Поэтому определительная, или атрибутивная, связь является наиболее тесным видом связи, при которой слова образуют определенные грамматические единства — словосочетания, входящие в предложение как одно целое. Средством выражения атрибутивных связей служит прежде всего порядок слов. Пример: *Чувто прятнес еще зь тока чинь васенце струятне, кудонь трубатнева еще зь лисе сэнь качамось ды колхозонь сторожось яла якась вейсэнь утомтне перька, кода друк коштонть лымбакстозь косто-бути васолдо каятоть тракторонь зэрнема* (Лукиянов 92) 'Верхушек деревьев еще не касались первые солнечные лучи, из труб домов еще не выходил синий дым и колхозный сторож все еще ходил вокруг общественных амбаров, как вдруг, встряхнув воздух, откуда-то издали донесся шум тракторов'. В предложении есть шесть простых атрибутивных словосочетаний и одно сложное с неоднородными определениями. Простые: *чувто прятнес* 'до верхушек деревьев' (*чувто* 'дерево' — определение, выраженное существительным в абсолютной форме, *пратнес* 'до верхушек' — определяемое существительное во вносительном падеже в роли обстоятельства места), *кудонь трубатнева* 'из труб домов' (досл. 'дома трубам-по') (*кудонь* 'домов' — определение, выраженное существительным в генитиве, *трубатнева* 'по трубам' — определяемое существительное в переместительном падеже в роли косвенного дополнения), *сэнь качамось* 'синий дым' (*сэнь* 'синий' — определение, выраженное прилагательным, *качамось* 'дым' — определяемое существительное в именительном падеже указательного склонения в роли подлежащего), *колхозонь сторожось* 'колхозный сторож' (*колхозонь* 'колхозный' — определение, выраженное генитивоподобным прилагательным, *сторожось* 'сторож' — определяемое существительное в именительном падеже указательного склонения в роли подлежащего), *вейсэнь утомтне перька* 'вокруг общественных амбаров' (*вейсэнь* 'общественный' — определение,

выраженное прилагательным, *утомтне перька* 'вокруг амбаров' — определяемое существительное в переместительном падеже в роли обстоятельства места), *тракторонь зэрнема* 'шум, грохот тракторов' (*тракторонь* 'тракторов' — определение, выраженное существительным в генитиве, *зэрнема* 'шум, грохот' — определяемое — отглагольное существительное в именительном падеже в роли подлежащего). Сложное атрибутивное словосочетание с неоднородными определениями: *чинь васенце струятне* 'первые солнечные лучи (= солнца первые лучи)' (*чинь* 'солнца' — определение, выраженное существительным в генитиве, *васенце* 'первый' — определение, выраженное порядковым числительным, *струятне* 'лучи' — определяемое существительное в именительном падеже в роли подлежащего). Из этого примера следует, что определения в препозиции всегда сопутствуют другому имени и определяют его по самым различным признакам. В каждой атрибутивной группе определяемое слово является ведущим членом, причем этот ведущий член всегда выражает существительным независимо от выполняемой им функции. Определение связывается с определяемым словом путем примыкания. Итак, определение представляет собой второстепенный член предложения, характеризующий предметы, лица, понятия со стороны их качеств, свойств, признаков времени, местонахождения, количества или принадлежности, синтаксически подчиненный существительному независимо от того, каким членом предложения является последнее. Действительно, проанализированное предложение показывает, что между определениями различных членов предложения (определение подлежащего, дополнения, обстоятельства) нет никакой разницы, поскольку семантическая и синтаксическая функция определения от этого не меняется. Определение, будучи зависимым членом группы, находится в синтаксических отношениях только со своим ведущим членом и, следовательно, непосредственных синтаксических отношений с другими членами предложения не имеет.

2. Морфологические особенности определения в эрзянском языке сравнительно ограничены. Они проявляются, по нашим наблюдениям, особенно регулярно в двух случаях: 1) если определяемое слово опускается (определение принимает морфологические форманты определяемого слова и, субстантивируясь, часто играет роль подлежащего); 2) если определение постпозитивно (оно согласуется в числе и выступает в роли неглагольного сказуемого). Иногда наблюдаются такие случаи, когда препозитивное определение согласуется с определяемым словом в числе. Но такое явление не типично для данного языка, оно представляет собой исключение из общего правила несогласования. М. Н. Коляденков (1959 : 115—118), давая объяснение таким сравнительно редким случаям, заключает, что «отсутствие согласования определения с определяемым словом ощущается как норма мордовских языков, наличие согласования — как нарушение нормы, вызванное потребностями смысла и стиля» (там же, стр. 117). Имена прилагательные, числительные, местоимения в эрзянском языке не склоняются, констатирует Т. А. Исаева (1965 : 58). Синтаксические нормы эрзянского литературного языка не допускают, чтобы определение согласовывалось с определяемым словом, отмечает Д. В. Цыганкин (1973: 97). Обратим особое внимание на два первых случая, которые помогут внести определенную ясность в грамматическую сущность рассматриваемой категории.

2.1. Остановимся конкретно на первом случае, когда определение, изменяя свою форму, получает морфологические признаки. Например, *Одсчачозь эйкакшось ульнесь тейтерька, сон содылизе лемензьяк, но ялатеке кевкстизе.* — *Одсчачозесь цёрыне или тейтерька?* 'Новорожденный ребенок-то был девочкой, он знал и имя ее, но

все-таки спросил. — Новорожденный-этот мальчик или девочка?'; *Теине брюксо цёрась сеске жо прась валонзо трокс* (Абрамов 265) 'Парень в узких брюках сразу же перебил его на полуслове'; *Теинька, брюкасоь Верань мик усксь кедте* (там же, стр. 265) 'В узких брюках-тот даже тащил Веру за руку'. В определительном словосочетании первого предложения находим *одсчачозь эйкакишоь* 'новорожденный ребенок-этот', где определением служит слово *одсчачозь* 'новорожденный', выраженное причастием.

Данное определение, как правило, не согласуется с определяемым им словом *эйкакшоь* 'ребенок-этот' ни в числе, ни в падеже.

В этом же предложении используются образованное из данного определения субстантивированное причастие, которое, приняв морфологический формант определяемого слова — признак указательного склонения, играет роль подлежащего. Аналогичным образом обстоят дела и в остальных парах предложений, где непосредственное определение в предыдущем предложении, субстантивируясь, становится подлежащим в последующем. В данном случае наблюдается т. н. эллиптическое образование. Обычно в составе эллиптических предложений отсутствует один из необходимых членов предложения или какой-либо составной элемент этих необходимых членов.

Эллиптические предложения применяются чрезвычайно широко в тех случаях, когда контекст непосредственно восполняет те или иные, а иногда и все главные члены предложения. Особенно часто это наблюдается в диалоге. Например: *Тон рамик ашо или сэнъ пацянтъ?* 'Ты купила (купил) белый или синий платок?' — *Ашонть* 'Белый'; *Косо ней зрягадо?* 'Где вы теперь живете?'; *Вишка или покш кудосонть?* 'В маленьком или большом доме?' — *Покшонть* 'В большом'. В ответах на вопросы находим эллипсы, слова-определения с формальными показателями своего ведущего члена. По этому поводу М. Е. Евсевьев (1929 : 50—51) писал, что «прилагательные принимают падежные окончания только в том случае, когда они заменяют собою существительные, если же они стоят в качестве определения, падежных окончаний не принимают»: *поки кудо|сонть* 'в большом доме-том', но *поки|сонть* 'в большом-том', *ашо паця|нтъ* 'белый платок-тот', но *ашо|нтъ* 'белый-тот', *чачозь эйкаки|о|сь* 'родившийся ребенок-тот', но *чачозь|е|сь* 'родившийся-тот', *злыдарь мирд|ентъ* 'бродягу мужа-этого', но *злыдарь|ентъ* 'бродягу-этого' и т. д.

Обычно смысл эллиптических предложений совершенно отчетлив и закончен, поскольку содержание словесно не выраженных главных членов предложения безошибочно восполняется из предложения, данного в вопросе, во-первых, и присоединением к определениям морфологических показателей определяемого слова, во-вторых. В эрзянском языке любая часть речи может субстантивироваться. При этом, как уже упоминалось, у существительного заимствуется и его грамматическое качество. Субстантивированная часть речи склоняется в основном по указательному (реже притяжательному) склонению. Например: *Вадрясь онстоткак вадря* (поговорка) 'Хорошее-то и во сне хорошо' (субстантивируется прилагательное *вадря* 'хороший'); *Сисеметне вейкенть а учнить* (поговорка) 'Семеро-то одного не ждут' (субстантивируется числительное *сисемь* 'семь'); *Сырге колоннаь, мартонзо вейсэ молитъ киштицятнеяк, киштить молектэ* (Абрамов 263) 'Двинется колонна, вместе с ней идут и пляшущие, пляшут на ходу' (субстантивированной частью речи является причастие *киштиця* 'пляшущий', которое стоит в предложении во множественном числе); *Шумбрачи, Володя. Тынь косто? Кода? — ушодсь кевкстнеме Вера* (Абрамов 265) 'Здравствуйте, Володя. Вы откуда? Как? — начала спрашивать Вера'; *Может, минек ёвтасынк, кие те истямо костось ды кодамось?* (там же, стр. 266)

'Может быть скажете нам, кто это такой незнакомец — этот, прибывший откуда-то и каким-то образом (= прибывший откуда-то-этот и как-то-этот)' (субстантивируются два наречия *косто* 'откуда' и *кода* 'как?').

Таким образом, хотя определение и получает морфологическое оформление, это не характерная его черта, так как определение является всегда зависимым от существительного членом предложения и при любых изменениях определяемого слова сохраняет свою первоначальную форму и препозитивное местоположение.

2.2. Во втором случае, как отмечалось выше, определение в позиции согласуется с определяемым словом в числе, т. е. получает соответствующее грамматическое оформление. Постпозитивное положение определения придает особый оттенок усиления его значения, приближающегося к значению неглагольного сказуемого. Другими словами, определение, расположенное после определяемого слова — это уже в какой-то степени потенциальное сказуемое. С достаточными основаниями некоторые ученые указывали на очевидность того, что в уральской семье языков предикативные отношения развились из атрибутивных (Ravila 1941 : 114).

Сказуемое в мордовских языках всегда согласовано со своим определяемым словом — подлежащим — в числе. Вероятно, эта аналогия имела не последнее влияние на то, что определение, перенесенное на место после определяемого, также стало согласовываться в числе. Приведем для сравнения несколько параллельных примеров. В первом предложении — препозитивное определение, во втором — постпозитивное. *Теке басом сон столенть вельтизе ванькс столешниксэ* (Коломасов 193) 'Одновременно она покрыла стол чистой скатертью'; *Тень коряс сонзэ оймесь ванькс* (Коломасов 191) 'В этом отношении его совесть (= душа) чистая'; *Минек паресэ касыть сэнь, ашо ды якстере цецят* 'В нашем огороде растут синие, белые и красные цветы'; *Куз ды Варига пандонт ало чувтнэ нолдасызь, буто пилекст, парсеень лопаст, сынст ало тештев менелекс панжовить цецятне: сэнтъ, ашот, якстереть* (Богомолов 116) 'Под Куз и Варига горой деревья выпускают, точно серьги, свои шелковые листья, под ними звездным небом раскроются цветы: синие, белые, красные'; *Кадык аламос аштить сядо, сынст пильгест одт, а сизить, — секе жо, казямо вайгельсэнтъ мерсь азарось* (Абрамов 152) 'Пусть постоят немного (стоя), у них ноги молодые, не устанут, тем же грубым голосом сказал хозяин'. В первом предложении *ванькс* 'чистый' относится к определяемому *столешниксэ* 'скатертью' и располагаясь перед ним, определяет его с качественной стороны, т. е. является непосредственным определением, выраженным качественным прилагательным. Во втором предложении *ванькс* находится уже в позиции по отношению к определяемому *оймесь* 'душа-то', которое выступает в предложении в роли подлежащего, определение же выполняет функции неглагольного сказуемого. Определяемое — подлежащее — и определение — неглагольное сказуемое — стоят в единственном числе, но в зависимости от числа подлежащего могут стоять и во множественном: *сынст оймест ванькст* 'их души-то чистые'. В третьем предложении находим три однородных несогласованных определения *сэнь* 'синий', *ашо* 'белый', *якстере* 'красный' в препозиции по отношению к определяемому *цецят* 'цветы', которое хотя и стоит во множественном числе, но не изменяет форму своих определений. В четвертом и пятом предложениях определения уже постпозитивны, что обуславливает соответствующее согласование определений *сэнтъ* 'синие', *ашот* 'белые', *якстереть* 'красные', *одт* 'молодые' с определяемыми *цецятне* 'цветы' и *пильгест* 'ноги-их' во множественном числе. Наблюдается еще один случай, когда опреде-

ление стоит в постпозиции — обособления. Это явление представляет собой новое качество в мордовских языках (Коляденков 1954 : 234). Однако оно нашло уже сравнительно широкое распространение в языке художественной литературы. Отличительная черта обособления в том, что определение или ряд определений, располагаясь после определяемого слова, всегда выделяются интонацией и паузами в речи, запятыми на письме.

Обособления — это особый синтактико-стилистический прием, который используется для подчеркивания, усиления смысловой роли определенных качеств, свойств, признаков тех или иных предметов, лиц, явлений. Например: *Бути мелезест а тукишы, кадык муить лия фатера, седе валдо ды седе дёшова, — прыдызе кортамонт атысь* (Абрамов 290) 'Если им не нравится, пусть найдут другую квартиру, более светлую и дешевую, — закончил разговор старик'; *Секретаресь, сэрей, човине цёра, панжизе заседанианть ды ёвтызе, кодамо тувталонь коряс савь пурнавомс* (Абрамов 330) 'Секретарь, высокий, стройный и парень, открыл заседание и сказал, по какой причине пришлось собраться'. В данных предложениях определения обособляются. Они оживляют высказывание, обращают на себя особое внимание из-за своей грамматической (запяты) и интонационной (паузы) выделенности.

3. Местоположение определения играет решающую роль. Ф. Й. Видеман (Wiedemann 1838) выводит общее правило для всех финно-угорских и для уральских языков о том, что поясняющее ставится перед поясняемым, т. е. определение помещается перед главным словом. Об этом же писали П. Равила (Ravila 1943 : 247—263, 1945 : 148—158) и другие языковеды. Д. Р. Фукс (Fuchs 1937 : 292—322), исследуя и сравнивая структуру предложения разных языков, находит, что, в частности, в финно-угорских языках определение всегда предшествует существительному, т. е. стоит в препозиции и не согласуется с ним. Порядок слов в предложении тем более постоянен, чем слабее развита система словоизменения соответствующего языка (Хакулинен 1955 : 171). В частности, в мордовских языках «нарушение обязательного порядка слов ведет к разрушению или изменению синтаксических отношений между словами и тем самым к разрушению или изменению смысла высказывания» (Коляденков 1959 : 103). Например, *валдо менель* 'светлое 'небо', слово *валдо* в данном словосочетании — определение, выраженное прилагательным, *менель* — определяемое, выраженное существительным, между ними — атрибутивная связь; *менель валдо* 'небесный свет (= небо свет)', слово *менель* — определение, выраженное существительным, *валдо* — определяемое, выраженное существительным, связь также атрибутивна, потому что неоформленность первого компонента и его препозитивное положение по отношению к определяемому *валдо* характеризуют его как определение.

В первом словосочетании *валдо* 'светлый' играет роль прилагательного, так как выражает признак предмета *менель* 'небо'; во втором случае *валдо* 'свет' является уже существительным, потому что выражает предметное значение. В эрзянском языке имеется целая группа слов, которые в одном и том же оформлении могут выступать и как прилагательное, и как существительное. Подобные слова обозначают в основном всевозможные состояния и явления природы, а так же определенные вкусовые ощущения. Особенность прилагательных заключается в том, что они всегда определяют только предметный член и сами не могут быть определяемыми словами, а существительные в роли определения могут иметь свои определяющие слова. В словосочетании *кудо нармунь* 'домашняя птица (= дом птица)' *кудо* — определение, выраженное существительным, *нармунь* — определяемое, выраженное

существительным; *нармунь кудо* 'птичий дом (= птица дом)', *нармунь* — определение, выраженное существительным, *кудо* — определяемое, выраженное существительным, связь в обоих случаях — атрибутивная. Определение *кудо* в первом словосочетании и *нармунь* во втором могут иметь при себе определения: *сыре кудо нармунь* 'старая домашняя птица', *покиш нармунь кудо* 'большой птичий дом'. Качественные определения обычно определяют то слово, перед которым оно располагается. Однако в словосочетаниях с зависимым в абсолютной форме качественные определения, как правило, находятся перед существительным в абсолютной форме, определяя, таким образом, все словосочетание в целом. Причина такого явления заключается в том, что словосочетания с зависимым в абсолютной форме представляют собой не до конца оформившуюся ступень между примыканием и словосложением.

Д. Р. Фукс (Fuchs 1937: 292—322) писал, что в далеком прошлом в урало-алтайских языках существительное часто использовалось в качестве определения, именно из существительного, использованного предпозитивно, возникло позже прилагательное. А. Потебня (1899: 44) отмечал, что в глубокой древности прилагательные выделились из существительных. И. Балашша (1951: 96) указал на невозможность отграничения в некоторых случаях прилагательных от существительных в венгерском языке. В коми-пермяцком (КПЯ 1962: 175—176) и ненецком языках (Терещенко 1956: 163) некоторые слова также не имеют четких признаков определенной части речи. В финском языке наблюдается большая группа слов, которые выступают как в качестве прилагательных, так и в качестве существительных в одной и той же форме (Хакулинен 1953: 65). П. Равила (Ravila 1941: 112) и Ф. И. Видеман (Wiedemann 1865: 18) отмечают, что прилагательное в финно-угорских языках не имеет особой формы, оно ничем не отличается от существительного. И если в некоторых языках прилагательное-определение отличается по своей форме от прилагательного в предикативной функции, то это — явление более позднего времени.

Порядок слов имеет не только функцию связи слов, но часто служит средством дифференциации слов по тем или иным лексико-грамматическим классам. Особенно важное значение приобретает порядок слов в случаях совпадения форм разных частей речи (омоформы). При использовании омоформ синтаксическая функция и лексико-грамматическая принадлежность слова (в предложении или словосочетании) определяются только порядком слов. Однако в настоящее время, в частности, в эрзянском языке, существительное как часть речи резко дифференцируется от других категорий речи благодаря суффиксу указательности (Коляденков 1959: 261). Например, *менелесь валдо* 'небо светлое', *менелесь* 'небо' — подлежащее, выраженное существительным в именительном падеже указательного склонения, *валдо* (*валдоль* 'было светлое') — неглагольное сказуемое, выраженное прилагательным, связь предикативная. Словосочетание *од ломань* 'молодой человек', *од* — определение, выраженное прилагательным, *ломань* — определяемое, выраженное существительным, связь — атрибутивная. Сочетание *ломань од* не употребляется. В подобных случаях первый компонент оформляется указательным суффиксом: *ломанесь од* 'человек-то молодой', где *ломанесь* — подлежащее, выраженное существительным в указательном склонении, а *од* — именное сказуемое, выраженное прилагательным; между компонентами данного сочетания устанавливается ярко выраженная предикативная связь. Таким образом, будучи грамматически неоформленным словом, подлежащее без указательного суффикса не может сочетаться с неглагольным сказуемым, так как вследствие своей неоформленности в сочетании с другим именем оно может вступить, как уже отмечалось выше, в другую связь. Если, например,

в словосочетании *якшамо теле* 'холодная зима' слова вступают между собой в атрибутивную связь (аналогичная связь наблюдается и в словосочетании *теле якшамо* 'зимний холод (= зима холод)'), то сочетание *телесь якшамо* 'зима-то холодная' дает представление о предикативной связи. Указательный суффикс придает слову вполне определенную форму, которая и является ярким выразителем субстантивного значения. В мордовских языках подлежащее, не оформленное указательным или притяжательным суффиксом, употребляется очень редко.

4. Итак, содержание между предметами реальной действительности может быть выражено совершенно различными типами связи. Между типами связи и содержанием ее существуют глубокие различия, которые нельзя упускать из виду при анализе синтаксического строя языка. Синтаксическая функция слова определяется не его принадлежностью к той или иной части речи, она вытекает прежде всего из отношений и связей, складывающихся между словами как структурными элементами предложения. В зависимости от порядка слов изменяется не только синтаксическая роль переставленных слов, но и их значение. Порядок слов имеет решающее значение для отграничения определения. Оно или действительно является непосредственным определением в препозиции, или, теряя функции определения, переходит в категорию неглагольного сказуемого, или обособляется в постпозиции. Определение отличается от других членов предложения тем, что оно всегда зависит от другого имени, связано с ним узкой атрибутивной связью при выражении квалификативных отношений, всегда стоит в препозиции по отношению к определяемому слову и не согласуется с ним ни в числе, ни в падеже.

Сокращения

Абрамов — К. Абрамов, Эсеть канстось а маряви, Саранск 1967; **Богомолов** — А. Богомолов, Остатка урок. — Изнямо, Саранск 1946; **Коломасов** — В. Коломасов, Лавгинов, Саранск 1956; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык, Кудымкар 1962; **Лукьянов** — А. Лукьянов, Валдо ки, Саранск 1958.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. 1955, Введение в синтаксис современного немецкого языка, Москва.
 Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. 1963, Современные синтаксические теории, Москва.
 Акулова К. П. 1971, Разграничение членов предложения в современном немецком языке, Ленинград.
 Блумфилд Л. 1968, Язык, Москва.
 Балацша И. 1951, Венгерский язык, Москва.
 Евсеев М. Е. 1929, Основы мордовской грамматики, Москва.
 Исаева Т. А. 1965, Русская речь мордвы-эрзи. — ТМордНИИ XXIX, Саранск.
 Керт Г. М. 1971, Саамский язык, Ленинград.
 Коляденков М. Н. 1952, Эрзянь кельнь грамматика, II. Синтаксис, Саранск.
 — 1954, Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, II. Синтаксис, Саранск.
 — 1959, Структура простого предложения в мордовских языках, Саранск.
 Майтинская К. Е. 1960, Венгерский язык, III. Синтаксис, Москва.
 Названова В. Ф. 1964, Определительные словосочетания в мордовском (эрзя) языке. — Ученые записки. Вып. 4. Сборник студенческих работ по мордовской филологии, Саранск (Мордовский государственный университет), стр. 35—54.
 Потехина А. 1899, Из записок по русской грамматике, Харьков.
 Современный русский язык, 1964, Москва.
 Смирницкий А. И. 1957, Синтаксис английского языка, Москва.
 Терещенко Н. М. 1956, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград.
 Тюркина В. М. 1972, Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в мордовских языках. — ТМордНИИ XXXXII, Саранск.
 Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка, I, Москва.

- 1955, Развитие и структура финского языка, II, Москва.
- Цыганкин Д. В. 1973, Некоторые особенности развития эрзянского литературного языка. — Вопросы синтаксиса мордовских языков, ТМордНИИ 46 II, Саранск, стр. 90—103.
- Члены предложения в языках различных типов, Мещаниновские чтения, 1972, Ленинград.
- Шапиро А. Б. 1957, К учению о второстепенных членах предложения в русском языке. — ВЯ VI, № 2, стр. 71—85.
- Brøndal, V. 1932, Morfologi og Syntax, København.
- Fuchs, D. R., 1973, Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen. — FUF XXIV, Helsinki.
- Gelhard, J. 1952, Einheitliche Sprachlehre, Wiesbaden.
- Jõgi, M. 1970, Atribuut ersamordva keeles, Tartu (рукопись на каф. финно-угор. языков Тартуского гос. ун-та).
- Kont, K. 1973, Nominatiivis ja genitiivis esinevast substantiivsest atribuudist soome-ugri keeltes. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Erkki Itkonen, Helsinki (MSFOu 150), стр. 165—173.
- Ravila, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen, Helsinki.
- 1943, Uralilaisen lauseen alkuperäisestä rakenteesta, Vir., стр. 247—263.
- 1945, Nomen verbale suomalais-ugrilaisissa kielissä, Vir., стр. 148—158.
- Wiedemann, F. J. 1838, Über die früheren Sitze der tshudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens, Reval.
- 1865, Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache, St. Petersburg (Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VIIe série. Tome IX. № 5).

A. S. JEGOROVA (Tartu)

ÜBER DIE PRINZIPIEN DER ABGRENZUNG DES ATTRIBUTS IM ERSÄNISCHEN

Die Beziehungen zwischen den Gegenständen der realen Wirklichkeit können durch verschiedene Arten von Wortverbindungen ausgedrückt werden. Zwischen den Typen und dem Inhalt der Verbindungen existieren große Unterschiede, die man immer im Auge behalten muß. Attributive. Zusammenhänge sind am engsten im Ersänischen. Das Attribut unterscheidet sich in dieser Sprache von den anderen Satzgliedern dadurch, daß es vom Nomen abhängt, mit ihm eng verbunden ist, immer vor ihm steht und weder in der Zahl noch im Kasus mit ihm kongruiert. Die Wortfolge ist das einzige Mittel der Äußerung der attributiven Beziehungen und die einzige Form des Ausdruckes bestimmter Bedeutungen.